

18+

Татьяна Владимирова

Плач Сирены

Татьяна Владимировна

Плач Сирены

«Издательские решения»

Владими́рова Т.

Плач Сирены / Т. Владимирова — «Издательские решения»,

Два позабытых богами острова соседствуют посреди бушующего моря. Две силы столкнулись тут: Нимфа — воплощение света и любви, и Сирена — чудовище, питающееся тьмой и страстью. Холодное соперничество между ними оживает, когда после кораблекрушения на остров попадает царевич. Нимфа впервые находит любовь — и теряет себя, Сирена предает — и теряет все. Битва между светом и тьмой приводит к войне. Но где грань между добром и злом, если обе проигрывают?

Содержание

Пролог	6
Сказание 1	9
Сказание 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Плач Сирены

Татьяна Владимирова

Посвящается Глумаковой Лане. Благодаря твоим наблюдениям о видах женской энергии родилась эта история и обе ее героини.

© Татьяна Владимирова, 2026

ISBN 978-5-0069-9115-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам приблизясь, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человечьих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.*

Гомер, «Одиссея» (пер. В. Жуковского)

Туман сгушался. Словно серой ватой укрыл он морскую гладь, плотный, мокрый, пробирающий до костей.

Видимость была не больше пяти локтей. Капитан не мог сказать, что происходит на носу корабля, он и по палубе-то пробирался на ощупь. Ему оставалось лишь молиться Посейдону, чтобы вывел их из трехмесячных блужданий, привел к людям — пусть даже к чужеземцам — ибо сил более не было. Люди его отощали, питьевая вода почти иссякла, а товар, что они везли фракийскому царю, безнадежно опоздал к свадьбе его сына! Пусть прокляты будут морские боги!

Но не ты, Посейдон, — капитан поспешно укротил свои мысли. — Ты укажешь нам путь! Мы принесем тебе в жертву самого ценного барашка!

Да что там барашек, он был готов и на человеческую жертву. Имелась у него парочка непокорных рабов.

— Нам поможет только чудо, — вздохнул его помощник, незаметно вынырнув из серой пелены.

— Посейдон не оставит нас.

— Ты все еще веришь богам? Им давно нет дела до людских бед.

— Тсс... ты слышишь?

— Что?.. — помощник умолк: до его ушей донесся необычный звук.

— Это что... — капитан не верил услышанному, — песня?..

Вслед за осознанием на лице старшего помощника отразился ледяной ужас: одинокий голос посреди бескрайнего моря не может сулить ничего доброго.

Капитан тоже понял это. Глаза их встретились. Он уже готов был отдать приказ хвататься за вёсла и нестись отсюда как можно дальше, но лицо его вдруг расслабилось, глаза потускнели, а на губах появилась мягкая улыбка:

— Вёсла в воду. Курс на песню.

— Вёсла в воду! — подхватил старший помощник.

— Вёсла в воду! — эхом вторили ему голоса по обоим бортам корабля.

Гребцы дружно налегли на вёсла — с силой, невозможной для их истощенных тел. И лодка понеслась по волнам, разрезая расписным носом густой туман.

Они никогда не смогли бы ответить, сколько прошло времени, как долго без усталости продолжали орудовать веслами гребцы, но туман внезапно развеялся, а впереди показался зеленый остров. В сгущавшихся сумерках ярко сиял украшенный факелами пляж.

Люди ступали на землю и не верили своим глазам: остров встречал их богатыми дарами. В песке, словно приглашение, стояли плетеные корзины с фруктами, свежей рыбой, хлебом и сыром, изящные глиняные кувшины с терпким вином и медовухой.

— Тащите барашка, — ошарашенный капитан собирался исполнить свою клятву.

Матросы целовали землю, спасшую их.

— Посейдон, покровитель моряков, ты спас нас, я навеки в долгу перед тобой, — молился капитан, опустившись на колени перед камнем, уже обгаренным бараньей кровью.

— Посейдон ли? — помощник хлопнул капитана по плечу и указал пальцем в заросли. Из вечнозеленых кустов за ними наблюдали два внимательных раскосых зеленых глаза. Миг — и они пропали.

— Кто это?

Помощник пожал плечами:

— Может дикарка какая, а может царевна зачарованная. Нимфа, nereida, муза...

— Да понял я, что ты не знаешь! Кем бы она ни была, она наша спасительница. Это она пела так чарующе, чтобы спасти нас...

— А ты обратил внимание на ее... — помощник повел руками в воздухе, изображая волнистый силуэт, — формы? Неплохо было бы утолить все наши потребности.

— Да что ты такое говоришь, это святотатство! — возмутился капитан от всего сердца. — Нет хуже греха, чем погрязшее гостеприимство! Накличешь беду на свою неумную голову!

Уставшие и сытые, моряки расположились на побережье. Помощнику капитана не спалось. Никак не шло у него из головы чудное видение: нежная, медовая кожа, крошечный носик, губы, достойные Афродиты, глаза, зеленые, что два самоцвета. Белые воздушные локоны, струящиеся по груди. Грудь, высокая, полная, жаждущая любви...

Он вертелся на остывающем песке, пытаясь укротить свои мысли, как вдруг послышался ему хруст в тех самых кустах. Тихо, словно дикий кот, мужчина поднялся и крадучись подобрался ближе. Так и есть: прекрасная незнакомка снова притаилась в кустах, следила за лагерем и что-то нашептывала. Ворочавшиеся без сна моряки стали расслабляться и проваливаться в объятия Морфея с блаженными улыбками на устах. Помощник капитана с возмущением тряхнул головой, отгоняя морок: так вот оно что! Колдунья! Ну что ж, значит, ее надо проучить! Мало ли что она задумала, заманив их сюда и усыпив всех своим коварством!

Дождавшись, когда колдунья отвернулась, он бросился на нее сквозь колючие кусты. Послышался женский вскрик, затем другой. Но зачарованный лагерь спал...

Туман, отступивший было, вдруг стал плотнее, накрыл остров и полз прямо по спящим телам. А в глубине его раздалась *песня*. Манящая, соблазняющая, обещающая неизведанные наслаждения, пробуждающая из самого глубокого сна... и невозможно было противиться этой песне. Ведь за всю историю мореплавания был лишь один человек, который смог противостоять ей. Но до его рождения было еще далеко.

Вынырнувшее из-за горизонта солнце осветило пустой пляж. Перевернутые корзины и разбитые кувшины были засыпаны песком, кровавый камень побурел, тело барашка безжизненно лежало рядом с местом жертвоприношения, над его перерезанным горлом раздраженно вились мухи.

Корабль, еще вчера пришвартованный неподалеку, исчез, но внимательный глаз заметил бы куски обшивки и поломанных весел, что проносило мимо острова морское течение.

Чуть дальше, в нескольких стадиях¹ от острова, зловеще темнели, выглядывая из воды, огромные скалы. Незамеченные моряками в ночи, они отбрасывали длинные тени в мягких лучах рассвета. Едва поросшие мхом и кустарником, они создавали впечатление безжизненных. Но это было не так. В многочисленных пещерах гнездились летучие мыши и вороны, сюда

¹ единица измерения в Древней Греции, около сотни метров

же перебирались прибывавшие на кораблях крысы, и в бесконечных драках либо погибали, либо выцарапывали себе место в крысиной стае.

Жила здесь и хозяйка скал.

Всю ночь она веселилась: мужские тела сменяли одно другое. И каждый в меру своего таланта старался довести ее до высшей точки наслаждения. Но им было неведомо, что подарить ей настоящее удовольствие могла только их смерть. И тем лучше, чем кровавее, громче, медленнее умирали ее жертвы. Заколдованные, словно мотыльки на огонь, снова и снова бросались они на нее, посчитав за счастье поцеловать пальцы ее ног. Снова и снова ласкали ее тело, и парили в неге, ибо никогда они не испытывали подобного блаженства. Снова и снова резали себя и соперников, охваченные нечеловеческой яростью. Снова и снова они вспарывали животы и шеи, отрубали конечности и выкалывали глаза, а она радостно хохотала и билась в экстазе.

К концу ночи затихли крики. Вода у скал окрасилась красным. И ничего более не выдавало случившегося здесь побоища.

Сказание 1

*Но с нею жить в одном и том же браке —
Нет, это выше женских сил. К тому же
Ее краса, я вижу, расцветает,
Моя — идет на убыль, а мужчины
Любовный взор лишь свежестью прикован
И облетевшим брезгает цветком.
Софокл, «Трахинянки» (пер. Ф. Зелинского)*

Два острова — один зеленый и гостеприимный, другой скалистый и безжизненный — затерялись в водах Средиземноморья. Так надежно, что их не было на картах мореплавателей, а попасть сюда могли лишь заблудшие в штормах, случайно выжившие в военных или пиратских стычках корабли. Ни один властитель не претендовал на эти два огрызка земли. Даже боги, и те, кажется, позабыли о них.

И совершенно зря.

Знай Посейдон, что творится в этих водах, обрати Зевс свой взор в эту сторону, проникни Афина своей мудростью сквозь густой туман, укрывающий острова, — и Олимп был бы потревожен. Боги нашли бы себе новое развлечение, выбрали бы стороны, строили бы козни друг против друга и вдоволь наигрались бы судьбами несчастных. К счастью или же к разочарованию, туман надежно скрывал все происходящее.

И все же у островов были обитатели.

Сирена была рождена в те незапамятные и кровавые времена, когда титаны сражались друг с другом, земля была обращена в хаос, боги производили на свет чудищ вроде Цербера, Гидры или Ортуса. Отцы убивали сыновей, а те восставали против отцов. Всесильные боги, только что победившие в войне, не спрашивали мнения женщин, и родившиеся дочери становились женами отцам и братьям. Случайная дочь музыки, она была оставлена легкомысленной матерью на произвол судьбы. Внучка самих Океана и Зевса, Сирена с самого детства была наделена силами, сравнимыми с силами олимпийцев... Но ее отец, кровожадный бог морских гадов и чудовищ, не знал любви. Он повелевал бурями, ужасом и смертью. Подводные глубины его дворца были темными и гнетущими. Сирена почти не помнила своего детства, проведенного там, лишь отрывки, в которых нелюбимые дети соревновались за внимание отца, и в руках жестоких братьев Сирена была частой игрушкой. Они запирали ее в темницах вместе с ужасными зубастыми и скользкими тварями, а она училась договариваться с ними, чтобы выжить. Или обманом уводили в глубины океана да там и бросали на попечение богов, а она возвращалась домой всеми правдами и неправдами. Но самые ужасные воспоминания были спрятаны на задворках памяти. В них она накрепко запечатала отчаяние и беззащитность, длинные ночи, в которых из порезов на ее коже сочилась кровь, а сознание отстранялось и меркло, чтобы не видеть того, что делали с ее телом мужчины, называвшие себя семьей.

Сирена начинала отсчет своей жизни со звука. С крика, родившегося в ее груди в самую черную минуту кромешной безысходности, с песни, прекратившей ужасы. Так Сирена открыла магию своего голоса и власть, которую он давал. С его помощью она сбежала. Так далеко, как только смогла. Но перед этим она вернула кровавый долг: у ее отца не осталось больше наследников, только чудовища, которых он произвел на свет.

Месяцы, а может быть, и годы прошли в поисках. И вот однажды, в непроглядном тумане, наткнулась она на два скалистых острова. И выбрала из них тот, чьи скалы были выше, пещеры глубже, а морское течение разрушительнее. Здесь Сирена и поселилась. Здесь она стала петь, совершенствовать свою песню-приманку, здесь училась кровавой темной магии, здесь, дочь

своего отца, предавалась она самым черным наслаждениям. Никто не мог устоять перед ее песней. А если бы и мог — то лишился бы остатков разума перед ее красотой: роковой, нечеловеческой, пробуждающей низменные желания. Ее молочная кожа будто светилась в темноте и требовала поцелуев и ласк, насыщенно-красные губы будоражили фантазию, а взгляд огромных черных глаз, смягченный длинными пушистыми ресницами, высасывал волю из жертвы. В большинстве своем мужчинам не требовалась никакая магия. Потерпевшие крушение моряки приходили в сознание, и первое, что они видели, — это прекрасную длинноволосую незнакомку с тонкой талией и пышными формами, едва прикрытыми обрывками лохмотьев. Стоит ли говорить, что моряки теряли головы? Они забывали о голоде и жажде, они требовали лишь одного, чтобы эта неземной красоты морская богиня позволила прикоснуться к себе, хоть к пальцам ног, — они умрут за нее.

И умирали в экстазе, получив желаемое.

Так Сирена жила своей жизнью, пока не появилась она — Критея — подкидыш, дочь речного бога Клептиона и его сестры, океаниды Эксории. Клептион был одним из трех тысяч сыновей Океана, одним из старших и самых хитрых: пока другие его братья ссорились и делили земли, царей, сферы влияния — он дружил со всеми и против всех, под шумок отщипывая самые лакомые кусочки. В результате его владения, власть и уважение к нему множились. И когда на очередном пиршестве в замке отца он увидел юную Эксорию, он не смог противиться своим желаниям: он выкрал сестру и увез ее так далеко, куда ни отец, ни братья не смогли бы добраться, чтобы спасти юную океаниду. К несчастью для девушки, желающих выручить ее из плена (и поссориться с Клептионом) так и не нашлось. Она стала женой Клептиону и понесла от него дочь. Ее живот рос, а сознание мутилось. Эксории казалось, что она теряет рассудок, но это было не так: покинутую всеми ее посещали только боги сновидений из царства Аида. В своих снах видела Эксория, что родит она дочь, но дочь ее будет похищена и повторит судьбу своей матери. Океанида еще могла смириться со своей судьбой вечной узницы, но для дочери подобной жизни не желала.

Ночью отдала она сверток с новорожденной дочерью заморскому торговцу с наказом спрятать ребенка так далеко, чтобы даже родная мать не смогла найти ее.

Торговый корабль отправился в плавание и пересек множество стран, но однажды, в далеких чужеземных водах, попал в туман и... разбился о скалы. В том крушении выжила лишь трехмесячная девочка — маленькая богиня, нимфа Критея: волны не могли навредить дочери океаниды, они бережно вынесли ее на огромный каменный пустырь. Малышку обнаружили горные козы и вскормили ее своим молоком. Жизненная сила Критеи была столь велика, что каменистый остров стал обрастать мхом и зеленой травой, а спустя месяцы — кустарниками и небольшими деревьями. Девушка росла, а с ней зеленел и плодоносил остров. Спустя годы не осталось и следа от безжизненных скал: густой лес шумел своей кроной в ответ пролетевшим мимо богам Эвру и Ноту². В его сени, надежно спрятанная от глаз людей и богов, росла Критея. Из пухлощекого малыша она превратилась в бойкую и дерзкую девчонку, чьи босые пяточки резво носились по всему острову. Маленькая нимфа легко взбиралась на скалистые уступы вслед за козами, а порой и обгоняя их. Годы шли, и вот уже взрослая девушка обнаружила свою силу и научилась управлять ею. Так появилась на острове укромная песчаная бухта, а в глубине леса — живой шатер из вечно благоухающих цветов: дом Критеи. Нимфа ткала ковры, лепила кувшины из белой и красной глины, рисовала добытыми из растений красками. Стоило ей только пожелать, и остров награждал ее свежими фруктами и овощами. Она научилась делать сыр из козьего молока, охотиться и рыбачить с помощью самодельных лука и сетей. Одного не доставало Критее, хотя она об этом даже не догадывалась: человеческого общения.

² Боги ветра: Эвр — бог восточного ветра, Нот — южного.

Подруг, что танцевали бы рядом, юношей, которые мечтали бы сорвать запретный поцелуй, строгих родителей, что учили бы жизни и предостерегали от опасностей.

Тем не менее, нимфа знала о живущей рядом злой сущности.

Знала о нимфе и Сирена, хоть и далеко не сразу поняла, что на соседнем острове появился новый обитатель. Просто однажды вместо привычных голых скал Сирена обнаружила зеленый оазис посреди серых морских вод. Удивленная, она почти убедила себя, что это лишь мираж, видение, почудившееся ей после особенно сытной трапезы. Но остров не исчезал, наоборот, с каждым днем он становился зеленее, пышнее и даже, казалось, разрастался.

Тогда колдунья насторожилась: что за магия принесла жизнь на этот остров? И не раскрыла ли эта магия тайну ее убежища? Может, ей уже стоит искать новое? Больше всего она боялась возврата в прошлое, где была невольницей и игрушкой в руках богов и титанов.

Сирена прыгнула в море с самой высокой скалы. Оказавшись под водой, она с ужасом отметила, что соседний остров уже совсем не остров, а некое живое существо, огромное растение, которое пустило корни в воду и хорошенько переплелось с теми камнями и утесами, что существовали здесь до него. Сирена бесшумно подплыла к белоснежному пляжу и уже чувствовала песок под ногами. Вода доходила ей до пояса, когда она сделала еще один шаг... Бум! Непонятно откуда взявшаяся волна врезалась в нее и сбила с ног, унося прочь от острова. Сирена попробовала снова добраться до острова, и новая волна, еще больше предыдущей, обрушилась на нее.

Магия защищала этот остров. И сколько раз бы Сирена ни пыталась проникнуть на него — каждый раз защитные чары были сильнее.

Злость колдуньи распалась: это ее дом, ее владения, и она не может справиться с этой напастью?! Тогда Сирена решила понаблюдать за островом, вдруг она сможет разгадать его загадку. Проходили дни. Рассветы сменялись закатами, и, наконец, удача улыбнулась ей.

Критя сидела на скалистом берегу и удила рыбу, когда услышала странные звуки, доносящиеся со скал через пролив. Звуки были похожи... на песню? Нимфа испуганно вскочила, выронила удочку, опрокинула и в щепки разбила миску с уже выловленной рыбой. Там, вдалеке, на скалах, окутанный солнечным светом, виднелся женский силуэт. Женщина пела, а ее длинные черные волосы развевались на ветру. Песня звучала торжественно и красиво, но внушала нечеловеческий ужас и отчаяние. Критя вздрогнула всем телом и бросилась внутрь острова, а зеленые ветви деревьев плотно сомкнулись вслед за ней.

Сирена удовлетворенно улыбнулась. Хоть и не подействовала на девчонку ее песня так, как она рассчитывала, зато теперь она знала, что ее покой нарушает всего лишь какая-то нимфа. И если за ней так никто и не пришел — значит, ее никто и не ищет. И избавиться от незваной гостьи будет проще простого.

Нимфа раздражала Сирену не только тем, что захватила остров, не только тем, что Сирена не могла совладать с ее магией, и даже не своей невинной свежей красотой. Больше всего злилась она, что корабли, приходившие на ее зов, вдруг стали останавливаться у соседнего острова, и его магия надежно укрывала странников, не позволяя песням колдуньи завладеть чужим разумом. Сирене приходилось довольствоваться остатками: маленькими суденышками с немногочисленными командами, у которых не хватало сил обогнуть ее скалы. Теперь ей доставались бедняки со слабой волей, немощные рыбаки, оборванцы. Колдунье оставалось только мечтать о прежних временах, о телах бравых вояк и важных мужей, которые все, как один, склоняли свои гордые головы перед ней.

День ото дня злилась Сирена. Богатые корабли проплывали мимо и останавливались у зеленого оазиса, а потом, нетронутые, отправлялись дальше. Утес усыхал без потоков крови, что раньше ручьями стекали по камням в море. Стаи крыс поредели, вороны и вовсе оставили

ее, и только летучие мыши каждое утро упорно возвращались в пещеры. Колдунья сочиняла новые и новые песни, но все бестолку — магия нимфы была сильнее.

В конце концов Сирена бросила бесплодные попытки. Нимфа победила.

Проходили годы, и сила колдуньи увядала. Кожа ее потускнела, волосы спутались, зубы утратили белизну. Демоническая красота Сирены испарилась — виной тому было скудное питание и недостаток жизненной силы, как собственной, так и у редкой «пищи». Измученные суровой долей моряки не могли поделиться с ней большим. Сирена же, проиграв битву, смирилась с жалким своим существованием.

Брешь в защите острова нимфы появилась неожиданно. Колдунья так и не поняла, как это произошло. словно дуновение свежего ветерка на влажной коже — так почувствовала она эту трещинку, замочную скважину, которой можно было воспользоваться. Сирена воспряла духом — впервые за долгое время. И она запела, и зазвенела сила в ее голосе, и услышала она, как отзываются на ее голос чужие души. А вскоре и увидела: лодка отчалила от острова и, ведомая песней, приблизилась к скалам. И Сирена вышла к морякам словно богиня тьмы, наслаждаясь каждым мгновением своего триумфа. Волосы снова ниспадали на ее полуобнаженное тело струящимися локонами, кожа светилась в лунном свете, а полные губы не могли удержать торжествующей, слегка смущенной улыбки. Она была прекрасна в своей эйфории.

Долгожданная, трудная, а оттого бесконечно желанная добыча... Колдунья с трудом могла поверить: получилось! Остров ожил, получив жертву. Высохшая земля окропилась кровью.

С тех пор Сирена превратилась в охотницу. Она подманивала корабли песней, а потом терпеливо ждала в засаде, прощупывая соседний остров. И иногда удача улыбалась ей: Сирена видела эту трещину в окружающем остров коконе, будто кто-то разбивал его изнутри, а дальше ей оставалось только ухватиться за осколки, расшатать их и доломать защиту. Отдохнувшие и откормленные моряки были ей лучшей наградой.

Отпихивая от себя окровавленное тело очередной жертвы, Сирена улыбалась собственной силе и хитрости. Куда тебе, юная глупышка, тягаться с мудростью и тьмой! Но никогда в жизни ведьма не призналась бы себе, что без нимфы, без всех этих трудностей и препятствий наслаждение не было бы столь изысканным.

В тихой прозрачной ночи на небосвод поднималась полногрудая Селена, свет ее был таким ярким, что освещал морскую гладь до самого горизонта.

Сирена стояла на самой высокой скале и тихонько напевала себе под нос: так рыбак разбрасывает корм, чтобы приманить побольше рыбы. И вот что-то дернулось на том конце брошенной в море песни. Совсем легонько, но Сирена уже обратила на запад свой хищный взгляд и добавила в голос силы. Песня вела корабль, и колдунья чувствовала его: тяжелый, богатый, с сотнями крепких тел и душ — прекрасный улов!

Сирена задрожала от предвкушения: давно в эту часть Средиземноморья не заходили корабли подобного величия, уж не царское ли это судно?

Корабль наконец показался на горизонте. Сирена даже воскликнула в фальшивой жалости, так красиво и величественно было это судно с вырезанными на бортах барельефами, позолоченными поручнями и фигурой самой Афины на носу, протягивавшей вперед руку с факелом. Белоснежные шелковые паруса безжизненно повисли на мачте, ненужные: гребцы мощно опускали весла в воду, ведя корабль прямо на скалы. Громкий всплеск — весла погрузились в море, синхронный многоголосый выдох — и напряглись мускулы плечистых гребцов, толкая лодку вперед, навстречу дурманящей песне, затмившей разум мужчин.

Корабль приближался все быстрее, скорость его нарастала — колдунья пропела последние ноты и замолчала: ей хотелось насладиться звуком катастрофы, треском ломающегося

дерева, криком гибнущих людей, стонами спасшихся. Несколько мгновений... И все произошло так, как и много раз до этого: корабль на всей скорости вошел в каменную стену, передняя часть его разлетелась на щепки, корма задралась вверх, и люди посыпались в море, как созревшие ягоды шелковицы.

Сирена улыбалась: это была музыка для ее ушей. Не торопясь, спускалась она по скалам: нужно достойно встретить бравых моряков, сегодня их будет ой как много, жирный улов! А еще не терпелось колдунье взглянуть на капитана — у такого корабля им должен быть только царь!

Раненые, случайно выжившие в крушении моряки со стонами выползали на берег, цепляясь окровавленными пальцами за скалы... И забывали о своих ранениях, увидев богиню необычайной красоты, и поднимались на ноги, хромали, истекали кровью и ползли к ней. А Сирена покусывала полные губы, в легком томлении высматривая среди мужчин самого бравого, сильного, благородного — того, кто правил этим прекрасным судном, уж он-то обязан был выжить, такие так просто не погибают...

Ей было невдомек, что при ударе об скалы капитана вышвырнуло далеко за борт, где его, без сознания, подхватили волны и понесли прочь от скал, к другому острову, зеленому и гостеприимному. И только коснулось его безжизненное тело белого песка — сомкнулась над ним защитная магия.

Сюда не проникали предсмертные стоны и крики, что всю ночь доносились со скал. Здесь ночь была тиха и безмятежна.

Луна осветила склонившуюся над телом тонкую фигурку. Тонкие пальчики промыли кровавую рану на голове, не потревожив сон молодого моряка. Когда капитан погибшего судна очнулся, утро уже сияло яркими красками, берег был усыпан всевозможными яствами, а в сени самшитовых кустов его поджидала плетеная кушетка.

В ночи все мужчины, как и кошки, серы, только Сирена могла их различать, но сейчас, при свете дня капитаном судна оказался не великий воин, как она предполагала, а молодой юноша. Юноша этот, впрочем, был наделен той красотой, что на божественном Олимпе сделала бы его любимцем богов, но Иммарад, так его звали, был человеком. Сыном правителя могущественного города Элевсин, города, которому грозила война, и ради которого Иммарад отправился в опасное путешествие к фракийцам, дабы призвать их на свою сторону. Но морская буря смешала карты, и парусник оказался далеко-далеко за пределами населенных земель.

Юноша с трудом поднялся на ноги. Его плащ унесло во время шторма, а длинный хитон из дорогой, тонко выделанной шерсти изорвался, истрепался пояс из золотых нитей. Но даже такое убогое одеяние сидело на его гордых плечах словно царская мантия. В темных кудрях забился песок, а на месте раны волосы слиплись от вновь выступившей крови. Медовая кожа оказалась расцарапана, но голубые глаза сверкали, будто самоцветы, в них смешались ярость, растерянность и жадное нетерпение.

Иммарад отведал молока горных коз, вкусил свежего хлеба с сыром и инжиром, и взгляд его обратился к морю. В поблескивающих волнах с горечью он увидел проплывающие мимо обломки корабля, обрывки парусов, а в одно ужасное мгновение показалось ему, что видит он окровавленное, безглазое тело, тут же скрывшееся под волной. Понял он, что не увидит больше свою команду живой, ему одному удалось спастись в эту роковую ночь.

В отчаянии юноша воздел руки к небу и закричал, заплакал, стал молить богов о помощи. Но эти земли, спрятанные на задворках мира, никогда не привлекали внимание богов. Глухи они остались и к крикам ярости Иммарада, и к богохульным речам его. И тогда он излил свой гнев на гостеприимный пляж, приютивший его. Расколотил красивые кувшины, сильными руками разорвал корзины, потоптал еду, разможил кушетку о деревья. И только когда иссякли его силы, юноша в изнеможении упал на песок и заснул нервным сном.

Ночь опустилась на остров, и снова лечила рану моряка прекрасная Критея. Утром Иммарад очнулся и не узнал пляж: уничтоженные вчера кувшины и корзины стояли целехонькие, полные свежих фруктов и сыра.

Кто-то живет на этом острове, — понял Иммарад. — И если он не убил его в первый день, значит, должен помочь.

— Кто живет здесь? — крикнул он в густой лес, что плотно рос за кустарником. — Я знаю, ты здесь! Покажись!

Тишина была ему ответом. Иммарад решил пуститься на поиски, полез в колючий кустарник и вскоре вошел в громко щебечущий прохладный лес.

— Покажись, хозяин! Кто ты?

Юноша шел по лесу и старательно прислушивался к его звукам, присматривался к теням, искал любой след, который указал бы ему на хозяина этого места. И спустя полдня он с разочарованием обнаружил себя на том же месте, откуда начал: лес водил его кругами.

— Я хочу лишь поблагодарить тебя за спасение! — закричал юноша в отчаянии. — Покажись!

Лишь деревья шумели тяжелыми кронами.

Ночью нимфа вновь пришла к юноше и промывала его рану, и шептала над ней. Новая магия давалась ей тяжело, и голова человека заживала медленно. Она прекрасно слышала крики Иммарада, но не спешила показываться ему на глаза: Критея слишком хорошо уяснила, как могут быть опасны увидевшие ее мужчины. Несколько раз нимфа спасалась бегством от охваченных похотью моряков, а однажды едва не попала им в руки, едва не... И всякий раз магия острова слабела, и тогда появлялась *та* песня, и тогда люди погибали. Нет, Критея знала: нельзя, чтобы чужестранцы увидели ее. Кров и пища — это все, что она может дать им.

День за днем искал Иммарад хозяина острова, но все было бестолку: еда волшебным образом обновлялась каждое утро, а лес продолжал водить его кругами, не пуская в глубину острова. Рана на его голове заживала. Однако он был не из тех, кто покорно ждет спасения или гибели. Юноша решил добраться до другой части острова вплавь и так обогнуть заколдованный лес. Но и здесь его ждала неудача: течение ли, магия ли, что-то сдерживало его мощные гребки и не давало далеко отплыть от опостылевшего уже пляжа.

В одну из ночей Иммараду приснился сон: будто вышла из леса необыкновенной красоты девушка с сияющей в свете звезд кожей, с мягкими шелковистыми локонами цвета белоснежного песка. Будто приблизилась к нему незнакомка и замерла, прислушиваясь, спит ли он. Юноша притворился спящим, дабы не спугнуть ее. И тогда девушка склонилась над ним, нежно убрала волосы с его лица и что-то зашептала. Иммарад хотел было открыть глаза, задать ей тысячу вопросов, схватить за руку, чтобы она не могла скрыться в чаще леса, куда ему не было хода, но тяжелый туман опустился на его сознание, и крепче прежнего заснул юноша.

Пробуждение его было тяжелым. Задумчиво бродил Иммарад по пляжу, ел, не чувствуя вкуса еды, бросал долгие взгляды на кустарник и лес, что виднелся за ним. Уж слишком реальным казался ему сон и никак не шел из памяти. Голова не болела, похоже, она и впрямь зажила. И Иммарад, которого все утро терзали сомнения, вдруг понял: то был не сон. Кто-то лечил его, заботился о нем все это время. Такие раны и без надлежащего ухода не заживают так быстро, скорее уж начинают гноиться, опухают, а там и до лихорадки недалеко. И если ночное видение было правдой, то повезло ему... Но как ему заговорить с прекрасной незнакомкой?

Решил он дожидаться ночи, а чтобы отогнать сон, замешал травяной напиток, как делал его отец, чтобы дольше сохранять бодрость духа. Долго не смыкал глаз Иммарад, ждал он таинственную красавицу. Между тем все темнее сгущались тени, взошла на небо остробокая Селена и поплыла по небосводу, а девушка все не появлялась. И юноша прикрыл глаза — на мгновение, лишь чтобы дать отдохнуть утомленному сознанию.

Резко очнулся он ото сна, когда напряженное тело почувствовало нежные, чуткие прикосновения. Юноша вскочил, и первое, что увидел, — испуганные глаза незнакомки, в темноте показавшиеся ему огромными, темными, притягательными. Девушка отшатнулась. Иммарад попытался схватить ее за руку, но тонкая ладошка выскользнула из его пальцев, и красавица побежала к лесу с грацией встревоженной лани — стремительно, едва касаясь земли.

— Поймай! Дай мне поговорить с тобой! Я не обижу тебя! — Иммарад бросился было за ней, но ноги его увязли в песке, с трудом он сделал шаг, другой, и тут же споткнулся о корягу и упал. Перед девушкой же, он мог бы поклясться, расступились кусты, открывая ей дорогу, а потом сошлись у нее за спиной и переплелись ветками в непроходимый, ошетилившийся колючками кустарник.

Напрасно пытался он догнать ее, едва удалось ему выбраться из песка, — шипы жестоко расцарапали его тело. Напрасно звал ее — лес оставался глух к его крикам. Напрасно поджидал ее следующие ночи — незнакомка не появлялась. Иммарад проклинал свою несдержанность: он испугал ее и больше никогда не увидит.

Критею же, напротив, охватило любопытство. Не столько испугалась она неожиданно очнувшегося юноши, сколько была ошеломлена его внезапной прытью. Помнила нимфа об осторожности: не стоит доверять незнакомцам, которых выбрасывало на ее берег море, но вместе с тем знала: остров — ее дом, и он защищает ее. И если не слышна с соседних скал *песня*, значит, нет в молодом моряке дурных помыслов, значит, остров все еще защищает ее... и его тоже.

Когда думал Иммарад, что остался совсем один, украдкой наблюдала за ним Критея. Тайком любовалась им. Никогда еще нимфа не встречала такой божественной красоты, словно не принадлежал юноша человеческому роду: высокий и статный, с телом, будто вышедшим из-под резца талантливого скульптора, чьи работы украшают царские покои. Ловкий, как охотящаяся пантера. Пальцы Критеи помнили шелковистость его кудрей, а лицо... Лицо спящего юноши она подолгу рассматривала в ночи, спокойное, горделивое, с четкими линиями скул и челюсти, с длинными ресницами, едва подрагивающими в беспокойном сне. Он занимал все ее мысли... и не подозревал об этом.

Впервые захотелось нимфе узнать человека ближе. Но она боялась ответить на его зов: что скажет он, увидев ее, о чем спросит? Потребуется отпустить с острова? Ах, если бы только его рана заживала дольше, и она могла из ночи в ночь приходить на пляж и продолжать лечение...

И желаниям нимфы скоро суждено было исполниться.

Смекнул Иммарад, что появлялась незнакомка лишь с одной целью — лечить его. И тогда нашел он в песке подходящую острую хворостину и, набравшись смелости, проткнул ею ладонь. Юноша не издал ни малейшего звука, и кровь обвила его запястье алым, сверкающим браслетом.

Ахнула наблюдавшая за ним Критея, но сдержалась, не бросилась на помощь моряку. Дождалась ночи, чтобы по своему обыкновению помочь ему под пологом сна. Вот только решил Иммарад, что лучше он истечет кровью, но не уснет — дождется незнакомку, и тогда ей уже не убежать.

Напрасно ждала Критея, что юноша уснет с приходом ночи. И даже когда нимфа поняла, что он не собирается спать, и попыталась усыпить его, посылая волны упокоения и дремоты, Иммарад продолжал сражаться со сном и отступал все ближе к кромке воды.

Вдруг показалось юноше, что в темных кустах мелькнула чья-то еще более темная тень.

Придерживая на весу раненую ладонь, крикнул он в сторону леса:

— Я поранил руку! Помоги же мне!

Критея в отчаянии смотрела на человека, и в ней боролись два чувства. Одно требовало немедленно помочь раненому — пускай он увидит ее, и будь что будет! Другое тянуло назад, в глубину острова: спрятаться! Закрыться! Ведь она не глупа: он специально подстроил эту

ловушку, он хочет выманить ее и тогда... О, она много раз видела, чем заканчивались такие хитрости моряков. А она не желала вновь слышать *песню*.

Пока Критея боролась с сомнениями, Иммарад подошел ближе.

— Я знаю, ты здесь. Я не обижу тебя, — голос его был мягок. — Но мне нужна помощь.

Пожалуйста.

Критея шелохнулась и сделала робкий шаг ему навстречу.

Юноша не двигался с места, и лишь смотрел, как она приближается. В лице его не было коварной или хитрой улыбки, было только покорное ожидание.

— Как зовут тебя? — голос ее мелодичным звоном разнесся по пляжу.

— Я Иммарад, сын Эвмолпа, правителя Элевсина, — радость забила в груди Иммарада, едва он услышал ее голос.

— Никогда не слышала о таком.

— Твой остров далеко, богиня, но город мой знаменит в Аттике. Там спустилась в царство Аида богиня Персефона, а мои предки привечали у себя мать ее, Деметру. Мы служим только им и не признаем власть Афин.

— Зачем ты хотел видеть меня? — Критея остановилась поодаль и настороженно смотрела на юношу, готовая при малейшей опасности скрыться в лесу.

— Я ранен. Я знаю: ты вылечила рану на моей голове и надеюсь, что ты pomoжешь мне с этим, — Иммарад придерживал свою порядком распухшую ладонь здоровой рукой.

— Ты сделал это нарочно.

Юноша склонил голову, признавая ее правоту.

— Я прошу твоей помощи и в другом. Я благодарен тебе за спасение: не будь твоего острова рядом, я бы погиб в пучине, не одари ты меня своей благостью — пищей, вином, исцелением, я бы умер с голоду или от раны... Из всей моей команды выжил только я, я и этим обязан тебе. Но я спешу. Мой город на пороге войны. Отец отправил меня за помощью, я должен был тайно, морем, добраться до Фракии. Мои корабли благословили жрецы Деметры, но их благословения оказалось мало... На половине пути в небе погасло солнце. Ветер принес тучи, ливень, который обрушился на нас с ужасающей силой. Буря была чудовищна, она разметала все мои корабли, мы с трудом удержались на волнах, и когда ветер утих, я увидел, что мой корабль остался один. Курс сбит, а вокруг — неизвестные воды. Мы дождались ночи, но боги не были к нам милостивы — небо все еще было затянуто облаками. Так мы блуждали в чужих водах много дней, и когда, наконец, небо показало нам звезды, мы увидели, что забрались далеко на восток, в места дикие, необжитые, в стороне от торговых путей. А потом... ты сочтешь меня последним глупцом, но клянусь тебе, я не вру, мы услышали *песню*. И была она так хороша, так красива, что...

— Вы все потеряли голову, — перебила его Критея. Дальше история ей была знакома, она повторялась уже множество раз, из года в год, неизменная. — И вы пошли на ее зов. Без сомнений и колебаний. Без усталости.

— С верой в сердце, что это боги указывают нам путь... — ошеломленно произнес Иммарад.

— И твой корабль налетел на скалы, так? — Критея медленно подходила все ближе к молодому моряку, пока не оказалась совсем рядом.

— Все так. Разлетелся в щепки. Я не могу поверить, что никто из нас не увидел тех скал, никто не воскликнул в ужасе, мы как ослепли. Я помню страшный удар, и холодное море, а после — темнота. Я выжил лишь чудом, очнулся уже здесь. А мои люди — погибли!

— Мне жаль, — тихо ответила нимфа, его боль передавалась ей, и она, склонив белокурую голову, взяла в свои руки его раненую ладонь.

Иммарад молчал, наблюдая, как она перевязывает его руку какой-то странной зеленоватой материей, а после шепчет непонятные слова, и, чудо, боль уходила, а отек спадал. От

близости незнакомки кровь внезапно бросилась ему в лицо. Юноша прикусил губу, борясь со своим телом, и теми нечестивыми мыслями, что возникли в голове. Вместе с этим он понимал, девушка — существо неземное, и из благодарности к ней ему позволено лишь преклониться перед ней.

— И какой же еще помощи ты хочешь от меня? — она подняла на него изумрудные глаза, и Иммарад утратил дар речи. Юноша застыл столбом и не мог отвести взгляда от лица нимфы: никогда не встречал он девушки красивее. Медовая кожа ее светилась под светом звезд, россыпь веснушек играла на маленьком курносом носике, а глаза, зеленые, раскосые, с золотистыми искорками, околдовывали его.

— Ну же, ответь мне, — она слабо улыбнулась уголками губ.

— Прости меня, о, прекрасная! Я уже перешел все пределы твоих щедрости и великодушия! — Иммарад упал на колени и прикоснулся губами к руке нимфы. — Кто ты? Как я могу звать тебя?

— Мое имя — Критея. И этот остров — мой дом, — просто ответила нимфа. — Здесь ты под защитой, но там, снаружи, — она махнула рукой в сторону скал, — опасность. Ты прав, Иммарад, сын Эвмолпа, кроме защиты, еды и исцеления мне нечем помочь тебе. Засыпай. Быть может, утро принесет ясность, и ты сможешь озвучить свои мысли, — нимфа легко коснулась плеча коленапреклоненного юноши и легким, летящим шагом пересекла пляж. Иммарада тут же сморил глубокий сон.

Критея оказалась права: утро принесло некую ясность в голову Иммарада. Он понял, что хочет снова увидеть красавицу-хозяйку, что хочет узнать о ней больше, расспросить, почему она живет вдалеке от людей и от богов. Застыдился было юноша, что позабыл он о своем городе, об отце, об обещании, данном ему, но быстро отринул тяжкие думы: Критея! Он хочет увидеть ее еще хоть раз!

Иммарад с осторожностью пробрался сквозь кустарник и вошел в лес, ожидая, что тот, как и в прошлые разы, будет водить по кругу, но вскоре юноша вышел на незнакомую полянку. Пахло весенним разноцветием трав, мило щебетали пичужки, где-то неподалеку звенел, перекатываясь на камнях, ручей. Солнечные лучи пробивали тяжелую лесную зелень, заставляя ее светиться, точно россыпь изумрудов. В лучах этих купались яркие бабочки, и крылья их вспыхивали множеством оттенков: словно цветы парили над цветами.

Юноша ступал с осторожностью: ему не хотелось тревожить это волшебное место, но бабочки не боялись его, одна или две даже доверчиво садились ему на руки. Он миновал полянку, и звон ручья стал громче. Раздвинув кусты, Иммарад вышел к ключу. Его хрустальные капли рассыпались сверкающими жемчужинами, наполняя воздух свежестью и прохладой.

Критея сидела на противоположном берегу и копалась в земле, выискивая красивые оттенки глины. Она заметила юношу и поднялась, бросая последний кусок земли в корзинку. Иммарад с удивлением отметил, что ни туника ее, ни лицо, ни даже руки не испачкались после такой грязной работы. Хозяйка острова сияла чистотой и красотой, что юноше казалась еще более сиятельной, чем ночью. Посреди зелени и цветов, столь гармонично окружавших ее, Критея казалась бриллиантом в обрамлении драгоценных камней.

Девушка дружелюбно улыбнулась и грациозно перепрыгнула через ручей. Иммарад невольно протянул руки, будто хотел поймать ее, но Критея звонко рассмеялась:

— Это мой дом, я тут каждую тропинку знаю, каждый ручеек. А ты, Иммарад, сын Эвмолпа, как я вижу, уже подружился с обитателями моего острова? — Критея протянула руку, и бабочка вспорхнула с плеча Иммарада и приземлилась ей прямо в раскрытую ладонь.

— Сегодня твой лес не запутывает меня, не водит кругами... Он пропустил меня, чтобы я мог найти тебя. Кто ты такая, Критея?

Девушка удивленно взглянула на него. Она никогда прежде не задавала себе таких вопросов, а спасенные ею моряки если и интересовались ею, то лишь внешностью. Никто не заговаривал с ней. А когда их темные и грязные желания возобладали над разумом — защита острова падала, и та, что хозяйничала на скалах, заводила свою *песню*. Критея знала, что *песня* не раз спасала ее от ужасной участи, и все равно ненавидела ее. Так сильно, как только способна ненавидеть лесная нимфа.

— Ты владеешь магией, исцеляешь, можешь общаться с жителями своего острова, — он указал на бабочку, все еще сидевшую в руке у Критей и едва помахивавшую огромными тигровыми крыльями. — Ты бессмертная? Ты... нимфа?

Девушка пожала плечами. Она знала, что людям магия неподвластна, и, наверное, Иммарад прав. Но тогда кто же та, что следит за ней со скал?..

— Пусть так. Нимфа.

— Ты не знаешь, кто ты? — удивился юноша. — Но... кто твои родители?

Ветерок взметнул белокурые волосы Критей. Бабочка наконец взмахнула крыльями и улетела. Вопрос прозвучал дерзко, и нимфа поежилась, не зная, что ответить. Ее пугала и привлекала напористость юноши. Ей хотелось, чтобы он продолжал вот так, с восхищением смотреть на нее, но эти вопросы где-то в глубине ее существа тревожили Критею.

— Я... не помню их, — нимфа решила ответить. — Я выросла здесь и никогда не покидала этот остров. Помню только, давным-давно, было путешествие, долгое, страшное, и много воды... А может, мне это просто приснилось... Здесь мой дом. И лес пропустил тебя, потому что чувствует, что...

— Что? — Иммарад, даже не отдавая себе в этом отчета, шагнул вперед и нежно взял девушку за руку.

— ... что я доверяю тебе, — Критея удивленно посмотрела на их сплетенные пальцы и почувствовала, как сердце стало биться чаще.

Так зародилась эта нежная дружба между бессмертной богиней острова и чудом спасшимся царевичем. Они проводили долгие часы за разговорами и прогулками. Критея показала Иммараду весь остров, познакомила с его обитателями — стадом коз и парой низкорослых лошадок, которые каким-то образом появились на острове. Показала логово медведицы и строго наказала никогда не приближаться к этому месту в ее отсутствие: Критее зверь позволил почесать себя за ухом, а на незнакомца утробно зарычал.

Иммарад рассказывал про себя и про семью, каким преданным городу правителем был Эвмолп, и как страшится Иммарад своей участи наследника. Боялся юноша, что не достоин он, что не хватит ему мудрости, терпения и хитрости, чтобы противостоять внутренним интригам и внешним, чтобы защищать свой народ. Поведал Иммарад о том, как почитают в Элевсине богиню Деметру и дочь ее Персефону, из-за чего разгневались Афины и требуют, чтобы сосед покорился их власти и их вере. И что отец его Эвмолп будет стоять на своем до последнего, что не договорятся с ним Афины, и тогда начнется война.

— Разве не боишься ты войны?.. — спрашивала его Критея, уютно устроившись в объятиях юноши. Белоснежный песок на берегу прогрелся за день и нежно касался их.

— Не боюсь, — твердо отвечал Иммарад. — Что может быть благороднее, чем сражаться и погибнуть за родной город?

— Но ведь на смерти все заканчивается, — ужаснулась Критея, чье существование буквально восхваляло жизнь и процветание.

— Пусть так. Для человека. Но память о нем будет греметь в устах спасенных потомков! А значит, смерть не конечна.

— Память? Но сказания — это лишь слова. Что может сравниться с жизнью? С тем, что ты ощущаешь прямо сейчас? С шумом волн, мягко накатывающих на песок? С криком ночной

птицы? С легким дуновением летнего ветерка, что мимолетно целует твои волосы? С кожей, шершавой от солнца и соли? С запахом моря?

— Эти мгновения мимолетны, и люди часто забывают о них.

— И что же тогда люди запоминают? Неужели только как кто-то умер в их честь?!

— Есть прекрасные мгновения, — Иммарад вдруг согласился с ней и повернул голову. Лицо его оказалось близко-близко, голубые глаза потемнели, или же Критее так показалось в сумерках. Не успела нимфа задать свой следующий вопрос, как юноша склонился над ней и поцеловал.

Крики птиц в лесу вдруг слились в единую мелодичную трель, ветер перестал играть с волосами, дабы не спугнуть момент. Из песка, что мгновение назад нимфа перебирала пальцами, пробился зеленый росток, набух бутон и раскрылся нежно-коралловым цветком.

Критее едва дышала, вся отдавшись нежным прикосновениям губ. Ею впервые овладело чувство, которое... которое... Нимфа не знала его названия. Это что-то трепыхалось в животе, отдавалось дрожью в руки, перекрывало доступ воздуха в грудь. И она не хотела, чтобы это *что-то* заканчивалось. Прекрасное мгновение...

Нимфа смутилась, когда Иммарад отстранился и взглянул на нее. Медовая кожа ее покраснела, губы припухли, а глаза подернулись поволокой. Критее с трудом приходила в себя, и вдруг вскочила на ноги.

— Нет! Нет! Что же ты наделал! Теперь я не смогу защитить тебя!

— Защитить? От чего?

Критее застыла, вслушиваясь в вечерний воздух. Вот-вот, сейчас... Сейчас раздастся *песня*, а она не сможет противостоять ей.

Но бесшумно налетел и взметнул ее волосы ветер, мягко шумел прибой. Птицы продолжали свою перекличку в кронах деревьев. Со скал не раздалось ни звука. Неужели *она* ничего не заметила?

О, она заметила. Заметила уже много дней назад. Подобно хищникам, что мечутся в клетке, когда не могут вырваться и схватить добычу, так же металась по скалам и Сирена. О, как она выла от бессильной злобы, когда поняла, что царевич ускользнул, оказался на острове, под охраной девчонки, пока Сирена так недальновидно развлекалась с командой корабля. Она шипела, как дикая кошка, она крошила огромные валуны силой своего голоса, она обрушила одну из пещер с летучими мышами, похоронив их заживо. Она пела самые разные свои песни, но остров оставался глух. Ее царевич был надежно укрыт, и, как все больше убеждалась Сирена, вел себя на редкость целомудренно. Маленькая дрянь вновь переиграла ее!

Наконец, выпустив весь свой гнев и разочарование, колдунья решила следовать проверенной тактике: выждать. Да уж, царевич оказался в высшей степени правильным. Сирена была убеждена: он уже познакомился с нимфой, ведь та, глупая и наивная, была до смешного любопытна. О, эта нимфочка не удержалась бы от соблазна, она, конечно же, показала царевичу на глаза и вскружила ему голову! Но царевич... держал себя в руках? И его самообладание сначала злило колдунью, а затем стало восхищать. Лакомая добыча.

В один из вечеров что-то произошло на острове. Солнце уже село, и в рыжих сумерках зеленая шапка леса вспыхнула и засияла, точно огромный изумруд. Сирена никогда еще не видела, чтобы остров светился. Тут же взяла она пробную ноту. Но волшебная защита была сильна как никогда: ни трещинки, ни скола, ни крошечной дырочки. Ее *песня* прокатилась вокруг острова и ни с чем вернулась назад. Сирена в очередной раз заскрежетала зубами.

Нимфа хмурилась в ожидании, напряженно вслушиваясь в тишину, всматриваясь в скалы напротив. Но ничего не происходило, и она потихоньку впускала надежду в свое сердце.

В этот раз все... по-другому. Остров защищает Иммарада. Этот поцелуй... Критея повернулась к юноше и с сияющими глазами взяла того за руки:

— Все в порядке. Ты в безопасности, — от счастья засмеялась Критея, и смех ее мелодичным звоном рассыпался по пляжу.

— В безопасности? Но чего ты боишься? — юноша привлек нимфу к себе.

— Я боюсь, что ты погибнешь, если покинешь остров... — тихо призналась Критея и ласково дотронулась до лица любимого.

Иммарад не посмел возразить ей, напомнить о долге перед отцом и городом, о цели, которой так и не достиг. Юноша был влюблен. И как это часто случается у влюбленных, все его стремления и задачи подернулись туманной дымкой и отошли на другой план.

Дни перетекали в недели, влюбленные не расставались ни на минуту. Критея познакомилась Иммарада с укладом жизни на острове. Вот она доит коз, и делает мягчайший сыр. А вот прядет их тонкую шерсть, и из-под изящных пальцев нимфы выходит ткань, качеству которой позавидовали бы лучшие ткачихи Элевсина. Вот смешивает краски, добытые из камней и цветов, вот окрашивает ими ткани. И вот Критея подносит Иммараду хитон взамен изорванного, по красоте превосходящий его самые торжественные наряды.

А вот нимфа показывает ему свой дом, цветочный шатер и ложе из лепестков, и там проводят они ночь любви, после которой ни один из них уже не будет прежним.

Критея преисполнилась уверенности, что Иммарада ей послали боги. Ведь избежал он участи своей команды, спасся, хотя должен был погибнуть у скал. Он не напал на нее, его помыслы чисты, а остров защищает его. При одном лишь взгляде на него у нее часто бьется сердце, и бабочки порхают не только в животе, но и вокруг них. Да, она любит его, мужчину, красивее которого нет на свете! Она пойдет на все ради него, она сделает его самым счастливым! Ведь он сделал такой счастливой ее...

Для Иммарада промелькнувшие несколько недель показали прекрасной передышкой. Критея в его объятиях была, несомненно, лучшей частью. Юноша изучил остров вдоль и поперек, испробовав себя во всех занятиях, которые предлагала ему нимфа. Да, в этой уединенной жизни таилась своя прелесть: никаких людей, никаких интриг. Никакой ответственности, никаких забот, кроме двух: укрыться от ненастья, да позаботиться о пище для тела. Но вот пищи для ума... Иммараду скоро стало не хватать размышлений придворных мудрецов, песен под кифару гостей во дворце аэдов³. Не хватало неспешных рассуждений отца, занятных споров с учеными мужами. Вскоре после проведенной с нимфой ночи вспомнил юноша о своем долге перед городом. Вспомнил он и о моряках, тела которых забрало море, и тонкой печалью подернулись черты его лица.

Иммарад, чье спасение было чудом провидения, чьей судьбе, везению и жизни на острове в любви и согласии с прекрасной нимфой позавидовали бы многие, погрузился в печальные думы. Тоска окутала и сжала его сердце, потерял он интерес к острову, и Критее все труднее удавалось вернуть мягкую улыбку на его лицо.

Однажды не выдержал юноша. Взял он нимфу за руку и с грустью сказал ей:

— Любимая моя, прости меня. Не могу больше притворяться.

— Чем опечален ты, Иммарад? — видела нимфа, что изменился юноша, что потускнела его красота, что улыбка стала редким гостем на его губах. Критея боялась неизбежного: он хочет покинуть ее. Как и все, кто попадал на ее остров, рано или поздно покидали ее. И Иммарад подтвердил ее опасения:

— Мой долг зовет меня. Мой город на пороге войны. Отец рассчитывает на меня, а я... предал его.

³ древнегреческие странствующие певцы-сказители. Часто выступали при дворах царей.

— О, не говори так! — воскликнула нимфа. Большие зеленые глаза подернулись пеленой слез. Она прижала руку к груди, в безотчетной попытке успокоить отчаянно бьющееся сердце.

— Я благодарен тебе за спасение. Еще больше я благодарен тебе за твою любовь, — Иммарад нежно приподнял подбородок девушки, вглядываясь в ее изумрудные глаза, — не ведал я, какое счастье обрету здесь. Но я должен исполнить свой долг, иначе моему городу, моим родным, моим друзьям грозит беда. Я должен добраться до Фракии и передать послание моего отца. Без их помощи Афины захватят Элевсин. Я должен... покинуть остров.

Горький крик вырвался из груди Критея.

— Я бы забрал тебя с собой, но война — не место для тебя. Когда мы победим, я вернусь... вернусь за тобой! — растерянно прокричал Иммарад последние слова в спину нимфе: та, сотрясающими ее тело рыданиями, бросилась прочь, в лес. Сомкнулись за ней кусты и ошетинились колючки. Ледяной стеной обрушился на остров ливень.

Лес выпроводил Иммарада на пляж, и там оставил юношу, снова закрыв ему доступ в глубины острова. За всю ночь не сомкнул он глаз, вымок, продрог, сорвал голос, вновь и вновь зовя возлюбленную.

Утром прекратился ливень, но густые облака низко висели над островом, не пропуская солнечные лучи. Хмурая, с опухшими и покрасневшими глазами, вышла к Иммараду Критея. Юноша было бросился к ней, но она остановила его взмахом руки. Было видно, что она что-то решила.

— Я не могу удерживать тебя против воли. И если таков твой выбор, оставить меня и остров, что ж... Возвращайся домой.

— У меня нет выбора, Критея. Мой долг, как наследника, как мужчины, как воина — защищать свой дом. Я дал слово, что сделаю все, чтобы спасти Элевсин. Если бы я только знал, какую нить судьбы подготовили мне Мойры... Как можно выбирать между тобой и войной? — воскликнул Иммарад.

— Ты прав. Это твой долг. А он превыше всего.

Иммарад упал на колени и прильнул губами к руке нимфы:

— Прости меня, моя Критея. Я вечно буду благодарен тебе.

Молчала Критея, зная, что последует за этими словами.

— Как же мне выбраться отсюда? Мои корабли разбиты, мои люди погибли...

— Я помогу тебе, Иммарад, сын Эвмолпа. Построим лодку, и ты сможешь отправиться в путь.

Яркая улыбка осветила лицо юноши, его печалей как не бывало. Он выполнит указание отца, вернется в Элевсин вместе с фракийским войском, и Афины обломают себе зубы! И тогда он станет достойным наследником своего отца. И когда он займет его место, люди будут почитать его, и, кто знает, если удастся взять в жены нимфу, богиню, каких высот он добьется?..

Нимфа не подозревала о его мыслях, она знала только одно: во что бы то ни стало нужно задержать Иммарада на острове. Ведь как только он окажется в море совсем один, без ее защиты, раздастся *песня*...

И своим волшебством Критея заставляла деревья падать. Кора сама отставала от стволов, а они, в свою очередь, становились гладкими досками. Трава сплеталась в веревки, а из нежной козьей шерсти получались паруса. Одного не хватало волшебству нимфы — прочности. Раз за разом оказывались доски гнилыми, паруса не держали ветер, а веревки рвались в руках. Иммарад злился и начинал все сначала. А однажды он не выдержал и приказал девушке:

— Не сильна твоя магия в кораблестроении! Помоги мне с инструментом, а дальше я все сделаю сам!

Прикусила губу Критея и слезы вновь покатались у нее из глаз: юноша разгадал ее хитрость, теперь он точно уплывет от нее! Иммарад не стал утешать опечаленную нимфу, ему хватало своих забот.

Он трудился не покладая рук, но и инструменты, которые подготовила для него Критея, оказались слабыми и ненадежными. Топор после десятка ударов распался на части, молоток слетал с ручки, а долото гнулось от сильного нажима. Ничего, ровным счетом ничего не получалось у юноши. И когда в один из дней к нему приблизилась несчастная нимфа с робким предложением помощи, Иммарад выплеснул на нее свою ярость:

— Да не нужна мне твоя помощь! От нее одни только беды! Разве не видишь ты, ничего не выходит! Разве это лодка? Разве смогу я на *этом* отправиться в море? О, боги, зачем вы так смеетесь надо мной, чем разгневал я вас?! Нет, не подходи ко мне! — оттолкнул он нимфу. — Не до тебя сейчас! И заberi свои инструменты, я лучше буду работать голыми руками, чем еще раз прикоснусь к ним!

Разгневанный Иммарад совсем не походил на того юношу, которого полюбила нимфа. Критея чувствовала себя виноватой. Ну что ей стоило честно, без лукавства, помочь ему, тогда бы он не злился, тогда он был бы благодарен ей за помощь, но... он скоро покинул бы ее. А сейчас он все еще здесь, хоть и злится на нее. О, как же она виновата, как же ей помочь ему? И как убедить его остаться? Ах, если он разлюбил ее, она не переживет...

Юноша не обращал внимания на нимфу. Не замечал мольбы и тревоги в ее глазах. В своих мечтах царевич уже был далеко-далеко от опостылевшего острова.

Целыми днями Критея утопала в слезах. Сердце ее больно ныло и отказывалось отпустить Иммарада. От ее страданий остров тоже погрузился в уныние: его оплел серый, промозглый туман, птицы больше не пели, а тоскливо кричали в кронах высоких сосен, бабочки спрятали свои разноцветные крылья и закуклились в укромных местах.

Сирена, наблюдавшая за островом, только хищно улыбалась: яркий, цветной и шумный остров подернулся безрадостной тусклой пленкой уныния. Колдунья, словно кошка в засаде, чувствовала: птенчик вот-вот вывалится из гнезда. Нужно только подождать. Совсем чуть-чуть.

И вскоре она дождалась.

Нимфа из последних сил искала способы остановить возлюбленного. От всего своего впервые полюбившего сердца не хотела она расставания. И еще больше боялась отпустить Иммарада на войну, не желая ранней смерти юноше.

Не вышло у Критеи остановить его путем порчи материалов и инструментов — Иммарад вскоре смастерил свои собственные, и вопреки всем ее усилиям постепенно у него стало получаться. Вот уже готово днище лодки, а вот и обшивка, а вот и первое весло. Девушка в отчаянии следила за процессом, который отсчитывал мгновения до момента их расставания.

И вот в один из угрюмых дней воззвала Критея к богам с мольбой о помощи. И хотя боги не услышали ее, заговорила в нимфе кровь ее отца: хитрого и жестокого, не останавливавшегося ни перед чем на пути к цели. В голове у нимфы родилась идея.

Обежала Критея остров, собрала студеную воду из ручья, взяла немного молока у медведицы, отобрала у грозно зашипевшей гадюки только что родившегося малыша. Ночью пробралась она на дальний край острова, чтобы смешать все ингредиенты. Над булькающим в глиняной чаше содержимым произнесла нимфа несколько слов, что пришли ей в голову, со слезами на глазах убила змееныша и бросила его в чашу, туда же добавила несколько капель своей крови. Варевое забурило, поднялось густой фиолетовой пеной и, зашипев, как та гадюка, опало.

Любовное зелье было готово.

Не догадывалась нимфа о том, что у защищавшего ее остров невидимого купола имелось слабое место. Темные помыслы, нечестивые поступки или черная магия — любой из этих элементов разрушал то светлое, что оберегало саму Критею, ее остров и чудеса, происходившие

здесь. Именно эти бреши видела Сирена, именно в них проникали ее песни. И до поры до времени хищная соседка довольствовалась похотливыми моряками или алчными искателями сокровищ.

Своим желанием остановить Иммарада, пойти против его воли и насильно привязать к себе, да еще используя магию крови и забрав жизнь ни в чем неповинного существа, Критея разрушила все.

Выглядело это так, будто кто-то пытался разжечь гигантский костер из вымокшего хвоста. В ночи окутал остров густой белый дым, и Сирена могла бы поклясться, что он недоступен глазу смертных. Колдунья стояла на самой высокой точке скал и с закрытыми глазами принюхивалась к ветру. Слабая улыбка блуждала на ее кроваво-красных губах.

Что-то громко затрещало. Сирена улыбнулась шире. Защита острова зазвенела и стала осыпаться с тонким хрустальным звоном. Она дождалась! Дождалась! Ну что же, девчонка, посмотрим, кто лучше сыграет в эту игру! И, оттолкнувшись от камня, Сирена прыгнула в море. Тонкий, вытянувшийся в струну стан беззвучно вошел в воду, и за несколько гребков она уже была в нескольких оргиях⁴ от острова, благополучно преодолев защитный рубеж: на этот раз волны не мешали ей. С воды Сирене открывался вид на освещенный пляж, на юношу, который усердно трудился, шлифуя борт крошечной лодки. Обнаженный торс его блестел от выступившего на коже пота под светом факелов, и Сирена, не удержавшись, еле слышно хмыкнула: царевич был хорош собой, а сколько же в нем жизненной силы... ммм... Колдунья вдруг нахмурилась: а ведь красавчик не делает ничего предосудительного, только строит лодку. Так что же случилось здесь? Кого благодарить за столь желанный доступ на этот очаровательный остров?

Из кустарника вышла нимфа. Сирена проводила ее цепким взглядом. Девушка шла неуверенным, робким шагом, в руке держала она глиняный кубок. Остановившись подле юноши, тихо позвала она его. Но царевич, хмурясь, продолжал работу, будто и не слышал ее. Сирена прикрыла глаза и довольно покачала головой: теперь ей все стало ясно. Глупая, влюбленная малышка! Ах, как же сильно должно быть болит твое маленькое, впервые разбитое сердце, раз решилась ты на такой коварный прием! Решила поиграть на ее поле — что ж...

Внезапно, в голову Сирене пришла блестящая мысль: зачем же ей царевич, если с его помощью она сможет раз и навсегда избавиться от этой благодетельной соседки?.. Колдунья открыла было рот, чтобы запеть, но передумала. Ногой нащупала камень-голыш, достала его со дна и ловко бросила в парочку. Попала нимфе прямо в голову: та, потеряв сознание, осела на песок, кубок в ее руке дрогнул, и темное вязкое содержимое пролилось на белоснежный песок.

Иммарад вздрогнул и бросился было девушке на помощь, но из воды, больше не таясь, вышла Сирена. Юноша обернулся, услышав всплеск, да так и замер, в удивлении распахнув глаза.

— Кто ты? — он попятился, заодно постаравшись оттянуть Критею от странной незнакомки.

— А ты догадайся, — хмыкнула Сирена, с любопытством разглядывая пляж. А неплохо девчонка тут устроилась! Это место совсем не походило на те голые скалы, какими она их помнила.

— Я... я не знаю. Ты пришла из моря, твой корабль потерпел крушение?

— Ты видишь здесь какие-то корабли? — Сирена изогнула изящную бровь. — Или, может быть, я похожа на *смертную*?

Иммарад так и остолбенел.

⁴ древнегреческая мера измерения длины. Одна оргия — около двух метров

— Богиня, прости меня, я не хотел обидеть тебя! Ты, верно, океанида, раз пришла из моря... Но чем я обязан такой честью?

— Как зовут тебя? — она грациозно прошла мимо него и присела на перевернутую лодку. От Сирены не укрылось, каким плотоядным взглядом он ее проводил. Колдунья не изменяла себе, вместо обычной одежды вроде хитона или пеплоса⁵, на ней по-прежнему красовались две полоски ткани, едва прикрывающие грудь и бедра, к тому же неприлично промокшие.

— Я... — юноша прокашлялся и наконец отвел глаза, — Я Иммарад, сын Эвмолпа, правителя Элевсина. Несколько месяцев назад мой корабль потерпел крушение у тех скал, — он указал рукой на дом Сирены, — вся команда погибла, а я чудом выжил, благодаря Критее... — точно очнувшись от наваждения, он склонился над нимфой, пытаясь понять, что случилось с ней.

Сирена едва заметно поморщилась, надеясь на то, что удар голышом был достаточным, чтобы нимфа не нарушила их разговор.

— Оставь ее, Иммарад, сын Эвмолпа. Она спит. И хвала богам.

Иммарад настороженно посмотрел на Сирену.

— Я давно наблюдаю за тобой. С тобой случилось несчастье. И я здесь, чтобы помочь тебе и твоему отцу, который отчаялся уже увидеть тебя живым...

— Что известно тебе?!

— Лишь то, что страдает Эвмолп и ждет тебя домой в Элевсин. И то, что оказался ты заперт тут, благодаря колдунье...

— Колдунье? Заперт?! — Иммарад непонимающе переводил взгляд с лица лежавшей без сознания Критеи на Сирену.

— Ты доверился ей? Понимаю, — Сирена в притворной печали поджала губы и глубоко вздохнула. — Невозможно не поверить этой милой, доброй девочке... что поет такие опасные песни и приманивает моряков на свой остров.

— Песни? Неужели это были... ее песни?

— Известно ли тебе, какие существа способны поработить волю с помощью песен?

— Да... Сирены... — Иммарад с ужасом посмотрел на Критею и отполз от нее на приличное расстояние.

— Сирены. Ужасные создания тьмы, что подчиняют человеческий разум своей власти, а после жестоко убивают... — колдунья была само участие. — Но почему вся твоя команда погибла в мучениях, а ты остался в живых?

— Не знаю, — юноша никак не мог прийти в себя. Страх был написан на его лице. — Как же так? Да разве она колдунья? Ведь она любила меня, она вылечила меня. Она ведь даже пыталась помочь мне с лодкой, хоть и прогнали ее инструменты...

— Хм, прогнали? Волшебство, да вдруг дрянное? Так может она старалась не помочь тебе, а навредить? — Сирена помолчала, ожидая, пока слова ее достигнут сознания Иммарада. — Наверняка, она еще рассказала тебе о том, что остров защищает вас, и нельзя тебе покидать его, потому что там, в море, тебя поджидает опасность.

Иммарад лишился дара речи. Не может быть, чтобы его милая, нежная Критея оказалась лживой колдуньей, что старалась удержать его на острове!

Сирена лениво потянулась и одним текучим движением встала с лодки и подошла к нимфе.

— Так, так, что это тут у нас? — она подняла кубок с остатками зелья и осторожно понюхала его. — Она несла тебе это. Посмотри сам, Иммарад, сын Эвмолпа, разве может быть нектар такого черного цвета и смердеть кровью?

⁵ женская верхняя одежда в Древней Греции, представляющая собой длинный кусок ткани, который драпировался и скреплялся на плечах булавками или пряжками.

Юноша заглянул в кубок и увидел золотистый медовый напиток с ароматом полевых цветов и нотками морского бриза. В недоумении посмотрел он на Сирену и, вновь взглянув в кубок, отшатнулся. Плескалась в нем черная вязкая жидкость с резким металлическим запахом.

— Что это?

— Точно не могу сказать, и пробовать это мы не будем. Одно из двух: либо Сирена решила отравить тебя, но почему лишь сейчас? Либо же решила связать тебя любовным зельем, да, похоже на то, ведь ты решил покинуть ее.

— Лгунья! — Иммарад вскочил на ноги и взмахом руки выбил кубок из рук Сирены. — Проклятая лгунья! Погубила мою команду, заперла меня на острове, морочила мне голову своими сладкими речами! И лишь я захотел вернуться домой, вцепилась в меня и попыталась околдовать! Теперь я вижу! О, как я был глуп! Сколько же я потерял времени! Неужто... — роковая мысль пришла в голову юноше, — это Афины таким хитрым способом встали на моем пути? Чтобы не добрался я до Фракии, и потерялся в бескрайних водах. И тогда без помощи союзников, победа у них в руках. Они нападут на Элевсин, о горе моему городу! — царевич схватился за голову. — Что же мне делать, о, прекраснейшая? — Иммарад с мольбой в глазах воззрился на Сирену, сочувственно кивавшей в такт его догадкам.

Колдунья шагнула ближе к юноше и властно склонила его голову к своему плечу. Поглаживая темные шелковистые кудри, она не сказала ему, но пропела:

— Я здесь, чтобы помочь тебе. Ты вернешься домой, ты спасешь свой город, ты снова увидишь своего отца. Но ты должен сделать кое-что для меня.

— Что угодно, великая богиня, что угодно!

— Ты заберешь колдунью с собой.

— Я заберу колдунью с собой, — покорно согласился он. Но, похоже, сознание Иммарада еще сопротивлялось магии Сирены. — Но зачем?

— Своим колдовством отравляет Критея местные воды. А я забочусь о своем доме. Она не нужна здесь, и я хочу избавиться от нее. И ты мне в этом поможешь.

Сердце юноши дрогнуло, Иммарад отступил от Сирены:

— Я буду должен... убить ее? Но... — он с опаской взглянул на нимфу, по-прежнему лежавшую ничком на белоснежном песке.

Колдунья поморщилась:

— Убить? Нет! Это святотатство! Убить бессмертную... Зачем? Отвези ее в далекие земли, подальше отсюда. Продай в рабство, выдай замуж за врага, брось в море, и пусть найдет себе другой остров! Мне нет дела. Но здесь ей не место!

— Я сделаю это, — с облегчением выдохнул юноша. — Но моя лодка еще не закончена...

Вместо ответа взмахнула Сирена рукой, и перевернулась недостроенная лодка. Судну не хватало лишь пары деталей да мачты с парусом, но колдунью заботило лишь одно — чтобы оно не протекало. Песок зашевелился под днищем и точно на мягких волнах увлек лодку к воде.

— Море приведет тебя, куда нужно, главное, держись крепко. А как прибудешь на место, отпусти ее, ни к чему тебе зачарованная лодка.

Иммарад кивнул. Не скрывая отвращения, поднял он нимфу на руки и отнес в лодку. Сирена подобрала с песка оброненный им хитон, протянула юноше и строго наказала:

— Держись крепче! И прощай, Иммарад, сын Эвмолпа! Этот остров освобожден благодаря тебе! Прощай колдунья, надеюсь никогда больше не встретить тебя! — и волны, повинувшись воле Сирены, с невиданной скоростью понесли лодку прочь от острова, юноша едва успел судорожно вцепиться в борт.

Расхохоталась Сирена, закружилась по пляжу, раскинув руки в стороны. Избавилась! Избавилась от девчонки! Наконец-то она снова одна! Снова владычица, единственная! Ах, какой же наивный простец этот царевич, она даже не подозревала, что одурочить его будет так

просто! Все! Окончены ее страдания, больше она не будет сидеть в засаде и выжидать, теперь все моряки в округе — ее! Вот теперь она повеселится на славу...

К островам приближалась галера. Небольшое торговое судно, первое после коварного избавления от нимфы. Сирена дрожала в нетерпении. Она жила этим моментом, мечтала о нем много лет, представляла в красках... и вот, свершилось!

Сирена запела, не таясь, во всю мощь своего голоса. Песня окутала скалы, беспрепятственно проникла на остров и поплыла по волнам, распространяясь во все стороны. У галеры не было шансов. Слаженно работали веслами гребцы. Будто огромная морская сороконожка, гребущая всеми лапками одновременно, несло судно прямо на скалы. И как множество кораблей до него, ни на мгновение не замедлив ход, оно со всей силы вошло в хищно оскалившиеся утесы. От чудовищного удара судно разлетелось в щепки. Живые, раненные, полумертвые моряки из последних сил плыли к скалам, карабкались по валунам, чтобы только достичь источника манящей их песни. Больше не было той, что защитила бы их, как и не было надежды на спасение... Все эти мужчины беспрепятственно отправлялись в объятия колдуньи. В объятия смерти.

Сирена предвкушала кровавую жатву, эти живые удовольствия, что бездумно поднимались к ней. И вот, они здесь, готовые умереть ради нее, ради песни, ради наслаждений, что она обещала. Как и в прежние времена, один за другим погибали моряки, как и прежде, творили страшные вещи, в экстазе убивая себя и товарищей. Казалось, все шло привычным порядком... но чего-то не хватало Сирене. Какой-то маленькой, но важной детали, отчего ее наслаждение не было полным.

Сбросив с себя очередной труп, но так и не получив заветного, она злобно зарычала и в раздражении одним движением убила оставшихся в живых моряков.

Что-то было не так.

С очередным кораблем решила она поиграть. Подманила и отпустила, дав команде осознать, что означает *песня* в открытом море. Снова подманила и снова отпустила, играя с ними, как кошка играет с мышкой.

Но когда моряки в конце концов оказались в ее пещере, а ее предвкушение стало совсем невыносимым... как ни старались усладить ее тело околдованные мужчины, долгожданное удовольствие так и не явилось к ней.

Ничего не помогало колдунье. Ни бодрящие зелья, ни временное воздержание, ни даже тайные молитвы и человеческие жертвоприношения богу войны Аресу не могли вернуть способность чувствовать блаженство и парить в неге. И когда команда очередного корабля погибла бесславно и бессмысленно, Сирена завопила. Крик ее разнесся далеко за острова и страны, а услышавших этот крик людей окатывала волна ужаса, а после все, даже малые дети, находили в своих волосах седые пряди.

Сирена скрежетала зубами: проклятая нимфа, а кто же еще, умудрилась напакостить, даже будучи далеко-далеко отсюда. Похоже, соседство с ней повлияло на Сирену сильнее, чем она думала.

Но еще большее осознание ожидало ее впереди.

В один из дней, когда с похищения нимфы уже прошло больше месяца, до Сирены донесся едва уловимый запах гнили. Колдунья не обратила на него внимания: ну мало ли, что могло сдохнуть в океане, да и с ее скал то и дело сыпались мертвые люди.

А зря.

Запах тем временем набирал силу. И вскоре тонкий аромат превратился в сшибающую с ног волну зловония, которое проникало во все уголки пещеры, от чего у Сирены слезились глаза и першило в горле. Колдунья кашляла и кашляла, она обмотала лицо тряпками, пыталась

разогнать воздух вокруг скал, но все было бестолку. Отвратительный запах гнили пробирался везде, и к своему ужасу Сирена поняла, что потеряла голос и способность петь.

А вскоре вода у скал почернела. Исчезли так любимые Сиреной оттенки волн, что в течение дня меняли свой цвет от лазоревого на рассвете до ультрамаринового в сумерках.

Колдунья потрясено смотрела, как чернильное пятно расплзается во все стороны, своими щупальцами отравляя чистые воды все дальше, все глубже. Тогда обратила Сирена взгляд на соседний остров и содрогнулась: тот потерял былые краски, потускнел и потемнел. Лес согнулся, будто держал на себе невиданную доселе тяжесть, а берега сочились густой черной слизью, стекающей в море. Это остров источал вонь и черную отраву. И хотя передернуло Сирену от отвращения, рискнула она прыгнуть в воду и взглянуть, что происходит в глубине. Она помнила, как корни острова, которые обвивали скалы, были мощными и полными жизни. Они были готовы в любой момент разрастись еще шире, дать жизнь новым кустам и деревьям, стать домом черепахам, крабам и морским ужам.

Много разных смертей повидала Сирена, многим сама стала причиной. Но *это* медленное умирание впервые поразило ее холодное сердце. Черные корни больше не держались за скалы, они повисли безжизненными плетями, источая темно-зеленую гниль, отчего прозрачная прежде вода стала мутной и непроглядной. А между ними застыли, едва покачиваясь в этом болоте, трупы рыб и черепах. Морские обитатели были единственными, с кем Сирена водила дружбу много лет назад. Они были единственной поддержкой ей, когда родная семья творила с ней страшные вещи...

Сирена вынырнула. Глотнув воздуха, она чуть было снова не погрузилась в отравленную воду с головой, таким невыносимым был смрад возле острова. Кое-как колдунья подавила рвотные позывы и взглянула на пляж, который еще совсем недавно искрился своим белоснежным песком, точно шелком окутывавшим ноги каждому, кому повезло ступить на него. Песок стал серым, тусклым, тут и там по пляжу были разбросаны обломавшиеся, почерневшие ветки деревьев, а между ними — останки птиц и бабочек.

Против своей воли Сирена вышла на берег. Она присела на корточки и пропустила песок между пальцами: он едва ссыпался, был мокрым и склизким. Дотронулась до лежавшей тут же пичужки с ярким оперением. Сирена не могла дышать. Зловоние окружило ее, скопилось комом в горле, заставило глаза щипать. Колдунья поднесла руки к глазам и ощутила на кончиках пальцев влагу. Что-то дрогнуло внутри нее.

Нимфа снова ее переиграла. Где-то далеко-далеко, в чужеземной стране Критея медленно и мучительно умирала.

Сказание 2

*О, если бы хотя малейший знак
Имели мы, но верный, чтобы друга
От недруга и лживые слова
От истинных мы сразу отличали...
Два голоса пускай бы человек
Имел — один, особенный, для правды,
Другой — какой угодно.
Еврипид, «Ипполит» (пер. И. Анненского)*

К холмистой гряде медленно подползало солнце. Равнина у подножья и город вдалеке терялись в темной предрассветной дымке. Некогда зеленые склоны холмов были вытоптаны сотнями и тысячами ног и копыт, утратили свой первоначальный вид, и ныне бывшее великолепие зеленого, шумного моря сменили голая земля да клубы желтоватой пыли. Вся гряда была усыяна разномастными шапками шатров, меж которыми вились дымки костров, а вбитые в землю знамена хлопали на тянущемся с побережья ветру.

Лагерь еще спал, слышались лишь переговоры сменяющихся дозорных. Но в походных кухнях уже начинали свой ежедневный труд рабы, да жрецы возносили молитвы своей покровительнице — Афине Полии⁶.

Спускающийся с перевала небольшой конный отряд держал путь к массивному прямоугольному шатру, в два ряда окруженному стражей. Шатер тот возвышался над всеми остальными, на четырех углах его бились на ветру штандарты с нарисованными на них большеглазыми совами. У входа — золотой щит, украшенный изображением Афины, которая в пылу битвы замахивается копьем на невидимого противника. Из-под полога шатра вырывался свет: хозяин его бодрствовал всю ночь. Первый круг дозорных беспрепятственно пропустил всадников, близкий круг стражи заставил их спешиться, и после короткого разговора один из дозорных шагнул внутрь шатра, чтобы доложить о прибытии долгожданного союзника.

Внутри шатер был разделен на две части. В глубине его, отгороженной от передней части пологом из шерстяной ткани, стояло низкое ложе, убранное шкурами животных, и небольшой жертвенный алтарь, у которого курились листья оливы и распространяли запах на весь шатер. Переднюю часть занимал большой, грубо сколоченный стол, в одном углу которого были свалены вошьенные дощечки, в другом — костяные фигурки и камни, использовавшиеся советниками для тактических схем, посередине была растянута воловья кожа, испещренная грубыми линиями рек и холмов, на ней тут и там стояли грязные кубки с остатками вина. Подвешенные над столом масляные лампы едва освещали усталое лицо правителя Афин — Эрехтея. Хотя мог этот могучий старец дать форы молодым, выглядел он осунувшимся и утомленным. Высокий лоб прорезали глубокие складки, темные глаза хмуро и невидяще смотрели на карту, ввалившиеся скулы частично скрывала седая курчавая борода. Серебристые волосы Эрехтея были перехвачены на лбу неширокой кожаной лентой. Царь задумчиво покусывал костяшки узинанных перстнями пальцев, когда в шатер вошел дозорный.

— Господин, прибыл Ион, правитель Эгиалеи.

— О, лучезарный Аполлон, пусть сияет путь твой! — облегченно воскликнул Эрехтей и нетерпеливо взмахнул рукой. — Ну же, пропусти его!

Полог шатра снова взметнулся, и внутрь легкой и уверенной походкой вошел воин. Был он статен и высок, словно отлитые в лучших кузнях Афин бронзовые фигуры богов. Спина

⁶ У Афины много имен, не Палладой единой. «Полия» означает «защитница города».

прямая, но в каждом его движении чувствовалась ловкость и гибкость. Такими же были и светлые глаза на загорелом лице — живые и хитрые, цепкие, ничего не могло ускользнуть от этих глаз. Его светлые локоны выбивались из-под капюшона плаща, и когда он легким движением снял его с головы, волосы буйной гривой рассыпались по плечам. Этот молодой, если не сказать юный, правитель Эгиалеи был уже далеко известен за пределами своей страны, главным образом своей хитростью и умом, унаследованными от отца — бога Аполлона.

Эрехтей, не скрывая радости, поднялся из-за стола и, отринув церемонии, заключил Иона в объятия:

— Приветствую тебя, друг мой! Долог же был твой путь! Но как же счастлив я видеть тебя на своих землях!

— И я приветствую тебя, Эрехтей! Рад видеть тебя в добром здравии! Мой путь был долог и тернист, это правда. С большим трудом, лишь волею богов, я и мои корабли добрались сюда. И если позволишь, владыка, я вознесу молитву Афине и Аполлону за то, что добрался я вовремя, что твои войска не разбиты, и за удачу, которая теперь должна быть на твоей стороне!

Скорбно поджал губы Эрехтей. Опустились плечи его, широким движением сдвинул он в сторону грязные кубки, что стояли на исчерченной воловьей коже.

— Взгляни сюда, Ион. Когда я писал тебе с просьбой о помощи, наше положение было шатким, но все еще сильным. Тогда мы проиграли две битвы, одну здесь, — царь указал пальцем на равнину, что лежала у подножия гор и вела к городу Элевсину. — Эвмолп знал о нападении, его войско коротким и быстрым броском смяло мой разведывательный отряд. Но противник не стал продолжать наступление и отступил. И я в гордыне своей решил, что Эвмолп испугался, что он бережет свои силы, что это все, на что он способен. Но Эвмолп оказался старым хитрым лисом. Ночью он посылает быстрые, легковооруженные отряды прямо в наш лагерь. Они убивают быстро и тихо и успевают исчезнуть прежде, чем поднимется шум. Я усиливал стражу, мы караулили засланцев, но это не принесло плодов. Они изматывают мое войско, вносят страх в умы людей, отравляют мой сон.

— Хм, он пытается истощить противника, умно, я бы поступал так же. А другая битва? — нахмурил светлые брови Ион.

Эрехтей оценивающе взглянул на юношу и чуть погодя продолжил:

— Ярость овладела мною. Слепленный ею, я решил, что Элевсин нужно брать всей силой, что есть у меня. За моей спиной было бравое войско. И флот, мощью своей многократно превышавший Элевсинский. Я привел свои корабли к Леросу. А со стороны холмов выставил тысячу гоплитов. Мы ударили по Элевсину с двух сторон, — царь резко ударил кулаком по столу. — Мои петеконторы⁷ одним мощным броском вошли в залив и протаранили легкие лодки ничего не подозревающего флота Элевсина, и подожгли те, что стояли на якоре. Это была легкая победа. Гребцы высадились на сушу и атаковали противника со стороны залива. Гоплиты⁸ строем пошли на город вторым флангом. Я думал, трус спрячется за стенами города, но под прикрытием стрел он вывел войска, не дав нам зажать его в клещи. Надо отдать им должное: элевсинцы дрались как звери, в мастерстве своем ничуть не уступая моим сильнейшим воинам! Я почти отдал приказ своей резервной тысяче спуститься с холмов, когда случилось непредвиденное, — Эрехтей умолк и пожевал губы, брови скорбно сошлись на переносице. Ион ждал, давая правителю Афин собраться с духом. — Фракийцы. Их легкие суда, два десятка или даже три зашли со стороны Мегары⁹ и ударили нас в тыл. Они появились из ниоткуда, быстрые и яростные, маневренные. Они обрушились на мои суда, сами легко уходя из-

⁷ древнегреческая галера на 50 гребцов.

⁸ Тяжеловооруженная пехота.

⁹ Город на западе от Элевсина. Эрехтей объясняет, что фракийцы вошли в узкий пролив с запада, в то время, как афинский флот блокировал Элевсин и выход из пролива на востоке, не ожидая удара с противоположной стороны.

под удара. Словно улей с жалящими пчелами были они повсюду. В считанные мгновения погиб мой флот. Одни корабли затонули, протараненные, а те, что были пришвартованы, полыхали огромными факелами. Мои бойцы, что стояли между Элевсином и заливом оказались взяты в окружение: с одной стороны стояли элевсинцы, с другой на них ринулось высадившееся войско фракийцев. Они дорого продавали свои жизни, но шанс вырваться из кровавой ловушки был невелик. Почти никто из них не выжил... И лишь три моих корабля из двадцати смогли вернуться в Афины.

Эрехтей шумно выдохнул, переводя дух. Плотно сжатые губы побелели, выдавая его горечь.

— Тем временем пехоту стало теснить усилившееся войско противника. А мои гоплиты не из тех, кто бросит щит¹⁰! — яростно звучал голос Эрехтея. — Они бились до последнего. Я призвал их отступить, с трудом вырвав у Эвмолпа четыре сотни. Фракийцы бросились в погоню, но тут мои пращики накрыли их, не давая подобраться к холмам. Я потерял половину войска в той битве... Мы едва успели сосчитать потери, как противники придумали, как ослабить меня еще сильнее! Фракийцы погрузились на свои корабли и подошли к Фалерону¹¹, к нашему порту, и встали там в боевой порядок. Теперь их флот угрожает Афинам! И что же мне было делать?! Я разделил свое войско... Я в спешке отправил их домой, дабы не оставлять мой город без защиты. От прежней сильной армии, что внушала врагам ужас и благоговение, почти ничего не осталось. Война, которая должна была стать победоносной, стала кровавой и изматывающей. Я почти потерял веру. Вот, что должно быть тебе известно, Ион, мне не скрыть это от тебя. Вот какова правда — голая, неприкрытая, горькая, точно лавровый отвар. Я не могу обещать тебе захват Элевсина, не могу обещать тебе победы или героических подвигов. Бесспорно, твои войска улучшают наши позиции, но я надеюсь не на них. Я молю тебя о покровительстве твоего отца, я жажду светлой мысли или хитростей, в чем силен ты, ибо простой силой не взять Элевсин. Я прошу тебя, Ион, вести мои войска!

Молодой воин внимательно взглянул на правителя сильнейшего города в Аттике, что в отчаянии склонил перед ним голову, и прикинул в уме разные варианты. Эрехтей отчаялся: его войско уже и вполтину не такое сильное, как раньше. К Элевсину, напротив, подошло подкрепление, да еще какое: фракийцы — воины безжалостные и умелые, хитрые, не гнушавшиеся самых подлых приемов. С того момента, как Ион получил от Эрехтея просьбу о помощи, расстановка сил существенно изменилась. Так стоило ли Иону рисковать своими людьми и флотом? Без него Афины падут. С поддержкой же ионийцев шансы Афин уравнивались с Элевсинскими, но не превышали их. Тут и боги не смогли бы предсказать победу тех или других, а ведь Ион дорожил своими воинами и их жизнями. И только один камешек мог перевесить чашу весов, и такой тайный камешек имелся у Иона, он-то и мог изменить все. Но делиться своим секретом Ион не спешил, — не время. Из всего выходило, что преимущество на стороне молодого правителя: он нужен Эрехтею больше, чем Эрехтею нужен Иону. Без него Афины падут. Отчаянное положение царя обещает глубокую благодарность и признание Иона равным могучим правителям Аттики. И воин ответил спокойно, но решительно, дабы царь не усомнился в его благородстве и великодушии:

— Я поведу твои войска, Эрехтей! И в помощь ты получишь моих воинов и мой флот. Я обладаю многими идеями и знаниями и воспользуюсь ими, и ты не станешь чинить мне препятствий, ведь я, как и ты, хочу победы. Но чего я не хочу, так это понапрасну рисковать жизнями своих людей. Если пойму я, что никакими, даже самыми хитрыми уловками не повернуть эту войну в нашу пользу, я уведу своих солдат, и ты останешься с тем, с чем был. Рискнешь ли ты всем, Эрехтей?

¹⁰ бросить щит для гоплита — значит постыдно бежать с поля боя

¹¹ Древнегреческий порт, который использовался Афинами.

В воздухе повисло молчание. Правитель Афин рассматривал Иона с интересом и растущим уважением в темных глазах. Скупая улыбка медленно появилась на осунувшемся лице. Что ж, слухи о мальчишке оказались верны: он хитер, расчетлив и осторожен. Да, такой холодной головы ему и не хватало, Ион уравнивает все эти жаркие споры в его шатре. У них появился шанс, не все потеряно, ведь этот рассудительный юноша не полезет в заведомо проигрышную битву.

— Мне ясно, что ждет меня после поражения. Но чего потребуешь ты в случае победы, в чем я не сомневаюсь, сын Аполлона?

— Я знаю, что у тебя много дочерей... Впрочем, давай решим после победы, ибо решать не только тебе, но и твоему народу.

— Моему народу?.. Что ж, мне и впрямь придется рискнуть всем, не так ли? — Эрехтей покрутил на пальце перстень, раздумывая. — Если ты принесешь победу моему народу, Афины примут тебя, Ион, сын Аполлона, царь Эгиалеи. Но до тех пор, пока не придет мой черед пересечь воды Стикса¹², править буду я.

Ион склонил голову, признавая за Эрехтеем его право. Морщина меж бровями этого достойного мужа разгладилась, но он не спешил отпустить гостя:

— Сколько людей привел ты, Ион?

— Двадцать кораблей, и тысячу воинов. Корабли стоят у Афин, в бухте, где фракийцам их не обнаружить. Я не собираюсь сообщать врагу о подкреплении, пусть Эвмолп и дальше думает, что владеет ситуацией. Есть у меня один план, но мне потребуется время, если ты не против, господин мой.

Эрехтей снова одобрительно хмыкнул: ему положительно понравился этот молодой царь. Ион знает, как польстить, дабы не вызвать царского гнева, но и не преусердствует, дабы не вызвать отвращения. Признает власть Афин и почитает возраст правителя. Эрехтей помолится богам за провидение, что привело его на помощь.

— Я не против, сын мой, и благодарю богов за тебя и твою службу!

— Покамест не за что благодарить меня. Позволь мне, владыка, устроить своих людей и дать напиться коням.

Не успел Ион договорить эти слова, как взметнулся полог шатра и внутрь стремительно вошел воин. Был он в плаще из тонкой шерсти, скрепленном золотой брошью, а в руках держал шлем с двойным высоким гребнем. Так мог выглядеть только военный советник, полководец Эрехтея.

— Господин мой, они мертвы! — после быстрого поклона заговорил воин и умолк. Только сейчас заметил он в шатре чужака и замер, ожидая приказа Эрехтея.

Правитель Афин коротко кивнул:

— Можешь говорить, Андрокл. Это царь Ион, правитель Эгиалеи, он прибыл с подмогой и поведет наше войско против Эвмолпа.

Андрокл быстро взглянул на Иона и слегка склонил перед ним голову:

— Добро пожаловать, царь Ион. Мы много слышали о тебе и с нетерпением ждали твоего прибытия, — советник выдержал паузу и вернулся к докладу: — Сегодня утром мы обнаружили тела чужаков в левом крыле лагеря. Четыре человека, все — фракийцы. При них нашли короткие кинжалы, и токсоны¹³ с отравленными стрелами. Мои бойцы не знают, удалось ли кому-то скрыться, но одно точно ясно: это та самая группа, которая устраивала резню в лагере.

— И кто же убил их?

Советник потупился:

¹² Река в царстве смерти, которую пересекают все души, покинувшие мир живых.

¹³ Греческий лук

— Не знаю, мой господин. Никто из воинов их не видел, мы нашли их уже мертвыми. У всех перерезано горло, у двоих выколоты глаза, у двух других выпотрошены животы. Кто бы это ни сделал, в его сердце нет милосердия.

Андрокл умолк. Молчали и правители. Лишь спустя время Эрехтей медленно повернулся к Иону и сдержанно спросил его:

— Мне стоит благодарить *тебя*, я так полагаю?

Молодой правитель молча склонил голову в поклоне и, так ничего и не ответив, вышел из шатра. Пусть так — чем Эрехтей поймёт, что новость ужаснула и его.

Утро тем временем стремительно шагало по холмам. Ярко озарила небосвод колесница Гелиоса¹⁴, осветив своими лучами шатры, — лагерь проснулся. Со всех сторон доносились голоса переговаривающихся воинов, от костров тянуло аппетитными ароматами простой походной пищи: пахло подгоревшей кашей из ячменя, жареным мясом и кислым вином. Где-то вдалеке пели жрецы, вознося молитвы Афине и Аполлону.

Отряд Иона все так же стоял за первым кругом стражи. Люди поили уставших после ночного перехода лошадей в ожидании новостей от предводителя. Чуть поодаль к гнедому коню прислонилась женщина и лениво почесывала его шею. Вокруг ее коня уже вились мужчины, расседывали его, таскали воду и с интересом поглядывали на его хозяйку. Была она с головой укутана в темный хитон — так, что и лица не разобрать. К ней-то и направился Ион, взмахом руки прогоняя услужливых глупцов.

— Ну как все прошло? — она обратилась к нему первая.

— Эрехтей предложил возглавить его войска, — хмуро ответил Ион.

— Вот и славно. Мне выделяют отдельный шатер?

— Убийство фракийцев — это твоих рук дело? — он изо всех сил старался сохранить голос спокойным.

— Каких конкретно фракийцев? — она даже не стала отрицать, и Иону снова пришлось подавить волну гнева.

— Тех, что лежат сейчас с выколотыми глазами да кишками наружу! Аглора, мы же договорились с тобой!

— Не пойму, мой господин, что тебе не нравится? — в ее голосе послышалась наигранная укоризна. — Этот отряд убивал людей Эрехтея, они — наши враги. Чем меньше сил у... — ее голос внезапно сорвался, и она кашлянула, — ... Эвмолпа, тем больше шансов у нас. Или я как-то неправильно понимаю суть войны?

— Кто-нибудь смог уйти? — Ион продолжал хмуриться: его спутница слишком рьяно взялась за дело.

— Нет, их было четверо.

— Хорошо, иначе выжившие рассказали бы о случившемся в Элевсине, тем самым выдав нас. А теперь еще раз послушай меня. Пока мы здесь, ты подчиняешься мне. И любой свой замысел сначала рассказываешь мне, а уж потом я буду решать, стоит ли он хоть чего-то.

— Ты как-то уж слишком напряжен, мой милый... — промурлыкала Аглора. — Разве не пообещал тебе царь несметных богатств? Или ты устал с дороги? Так я могу помочь тебе расслабиться...

Ион крепко сжал ее локоть и притянул ближе к себе:

— Я еще раз тебе говорю: мы с тобой не друзья. И наши союзники тоже нам не друзья. Мы здесь, чтобы показать силу Эгиалеи, и в случае победы забрать причитающееся и получить всеобщее уважение, — он понизил голос. — Ради своей страны я должен идти на риски, чтобы со мной начали считаться. Так что я планирую выиграть эту войну!

— И выиграешь, мой милый, ведь я тебе в этом помогла! — она сверкнула глазами.

¹⁴ Бог Солнца. Он правит огромной колесницей, запряженной могучими конями.

— Ты так думаешь? — прищурился молодой воин.

— Мы явили им силу! С твоих первых мгновений, что ты здесь, они знают — тебя нужно опасаться!

— Вот именно, это в том числе значит — не доверять, утаивать нужные мне сведения! Кроме того, что ты выдала себя, ты не оставила в живых ни одного языка¹⁵!

Женщина застыла с открытым ртом, так и не произнеся того, что собиралась. Она посмотрела на него, будто увидела его впервые.

— Война — это не просто убийства! Это тактика. Это стратегия! Ловкие решения! — тем временем распалялся Ион, сжимая ее локоть все крепче.

— Потихе, мой повелитель, — выдохнула Аглора. — К вам идет господин советник.

¹⁵ То есть пленного, которого можно разговорить (читай — пытаться), чтобы узнать важную информацию о противнике

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.